

Чжао Чуньпин обомлела, увидев на пороге столько начальства.

Директор Ян и Цзинь Чжаохун, назвав себя и объяснив, зачем пожаловали, дружно взялись за обработку старухи. Они терпеливо, с расстановкой принялись разъяснять государственную политику и Закон о браке. Внушали, что обмен невестами — дело в корне неверное, гнилой пережиток старого режима.

Старуха талдычила одно и то же:

— Это с каких пор я родной внучкой распоряжаться не вольна? Коли обмениваться не даёте, как моему старшему внуку жениться? Вы ему, что ль, бабу выделите?

Стоявшая рядом Ван Мэйюнь не выдержала и фыркнула:

— Тётушка Хань, раскатала губу — жену ей выдели! Разомлела, как от жирной свинины во сне, ишь чего захотела. У нас в бригаде бобылей пруд пруди, никто от организации невест не требует. На бабу каждый сам заработать должен. Коли ума да силы нет — сиди бобылём!

Возражать директору Ян или Цзинь Чжаохун старуха не смела, но перед Ван Мэйюнь страха не испытывала. От этих слов её мигом перекосило, и она заголосила во всё горло:

— Слышь, жена Маньцана, ты мне зубы-то не заговаривай! У нас всё на мази было, а вы влезли, девку зажать решили! Сами бабу не даёте, а парня в бобылях гноите, да ещё и глумитесь! Что это у вас, Ли, за умыслы такие подлые? Спишь и видишь, как мой внук без бабы мается, чтоб позубоскалить лишний раз?

— Тётушка Хань, да побойся ты бога! — разозлилась Ван Мэйюнь. — Я с директором Ян и директором Цзинь пришла тебе мозги вправлять, а не глумиться. Думаешь, мне делать больше нечего?

Директор Ян покосилась на Мэйюнь и ровным голосом осадила её:

— Мэйюнь, мы с массаами беседу ведём. Терпеливо надо, с доводами. Чего вы тут базар устроили?

Мэйюнь натянула фальшивую улыбку:

— Виновата, директор Ян. Характер у меня взрывной, не сдержалась.

Цзинь Чжаохун вмешалась, помогла сгладить острые углы, и бабья перепалка мало-помалу утихла. Директор Ян вернулась к уговорам, методично приводя старухе разумные аргументы.

Весть о том, что к бабке нагрянуло начальство из коммуны, мигом долетела до семьи Хань Дуя. Они тут же побросали дела и кинулись к старому дому.

— Интересно, — хмыкнула Чэнь Юэсян на ходу, — посмеет ли свекровь перед кадрами хвост пушить так же, как перед нами дома?

— Вряд ли, — усмехнулся Хань Дуй. — Была грозной гусыней, а станет тихой перепёлкой.

Мать прыснула со смеху.

По пути Хань Дуй прихватил с собой старшую тётушку Ду Хунли, не упустив шанса польстить ей:

— Тётушка, к нам ведь сама директор Ян пожаловала! Бабка у нас старая, неграмотная, дров наломать может. Только вы с мамой и спасёте положение, лицо семьи удержите, чтоб перед начальством не осрамиться.

Ду Хунли так и расплылась в улыбке, хотя для приличия поскромничала:

— Да ладно тебе, Сяо Жуй. Я ведь тоже грамоте не особо обучена, даже начальную школу не закончила.

— Ой, тётушка, разве в бумажках дело? — рассмеялся Хань Дуй. — Главное — сознательность! Вы ведь женщина бывалая, старшая невестка в доме Хань. Кому, как не вам, слово держать?

Тётушка тут же выпрямила спину и важно кивнула:

— И то верно. Пойдём скорее, нельзя время терять.

Чэнь Юэсян лишь молча вытаращила глаза.

"С чего вдруг он принялся так умасливать невестку? — недоумевала она. — Неужто опять затеял белые пампушки выманивать?"

Но расспрашивать сына при людях она не стала. Семья с разными мыслями на уме вошла во двор старой усадьбы.

Едва завидев директоров Ян и Цзинь, Хань Дуй приветливо заулыбался:

— Здравствуйте, товарищи руководители!

Директор Ян устало и вымученно улынулась ему в ответ:

— Эх, товарищ Сяо Хань... Тяжело идёт дело. Ваша бабушка упёрлась, ни в какую уступать не желает.

Она явно давала понять, что старуха глуха к голосу разума.

Ван Мэйюнь помалкивала, но кривила губы с таким пренебрежением, что у Чэнь Юэсян и Ду Хунли так и зачесались руки. Обе невестки разом одарили нахалку презрительным взглядом.

В будни они терпеть друг друга не могли, но перед лицом общего врага сплотились мгновенно. Обе бросились суетиться вокруг гостей: наперебой наливали чай, подсовывали табуретки и засыпали начальство жалобами на семейные трудности, демонстрируя образцовое гостеприимство.

Директор Ян и Цзинь Чжаохун к тому времени наговорились до хрипоты, так что с удовольствием ухватились за чашки, чтобы перевести дух.

Пока мать с тётушкой развлекали гостей, Хань Дуй скользнул в каморку к старухе — ковать железо, пока горячо.

Чжао Чуньпин, ещё помня прошлые словесные баталии с внуком, уставилась на него волком:

— А ну рот закрой! Слышать тебя не желаю, неблагодарная твоя душа!

Хань Дуй демонстративно облегчённо вздохнул и развёл руками:

— Да я и сам не горел желанием распинаться. Дело-то дрянь, да и нашей ветви семьи не касается. Тут вопрос посерьёзнее — о твоём третьем да младшем сыновьях. Ну да ладно, раз слушать не хочешь, умываю руки.

Он развернулся, собираясь уйти.

Стоило внуку упомянуть любимых сыновей, как бабкина спесь мигом улетучилась. Она вскочила с кана и закричала ему в спину:

— Стой! Чего там стряслось? Говори живее, не томи душу!

Хань Дуй довольно ухмыльнулся про себя, но сохранил на лице постную мину и нехотя

повернулся:

— Ну ладно, раз уж ты так просишь, введу в курс дела. Бабушка, директор Ян тебя жалеет, бережёт твоё здоровье и не пугает почём зря. Но я тебе родной внук, лукавить не стану. По деревне слух пошёл, и дело принимает скверный оборот. На тебя собираются накатать донос. Обвинят в том, что ты цепляешься за старые пережитки и занимаешься мракобесием, перечая курсу искоренения четырёх пережитков. Назовут феодальной заразой и раздавят как классового врага. Отправят в коммуну на перевоспитание, будешь там сутками напролёт политзанятия зубрить, пока мозги на место не встанут. А коли упрямитесь продолжишь — устроят тебе показательную порку. Выведут перед народом на митинг порицания, нацепят шутовской колпак, и будут массы тебя честить на чём свет стоит.

Чжао Чуньпин едва сдержала матерную ругань. Лицо её багровело от ярости:

— С какого перепугу у всех вокруг обмен с рук сходит, а на нас свет клином сошёлся?! Какая подлая тварь на меня зуб точит?

Она прищурилась и с подозрением уставилась на Хань Дуя. Тот без колебаний прижал руку к груди:

— Бабушка, клянусь небом, это не я! Если я соврал — пускай молния разнесёт в щепки все могилы наших предков до восьмого колена...

— Заткнись, паршивец! — взывала старуха.

Внук послушно прикусил язык. Но молчание длилось недолго — старуха сама ткнула его кулаком в плечо, требуя продолжения. И парень снова затараторил:

— Так вот, донос доносом, но ведь если каша заварится, твоему третьему сыну не сдобровать. Вылетит он со службы со свистом.

— С чего бы это? — опешила она. — То дела домашние, а то его служба! Как одно на другое влияет?

Хань Дуй состроил невинную гримасу:

— А у Лю Фэнцю дед кулаком был, а страдает вся семья. В наше время закон один для всех, кому ты жаловаться пойдёшь?

Бабка насупилась, переваривая услышанное.

Хань Дуй не давал ей опомниться, подливая масла в огонь:

— Бабушка, ты раскинь умом-то, кого спасать надо. Неужто ты ради старшего внука — тупого да невзрачного — готова заживо похоронить карьеру третьего дяди, нашей главной гордости? Да и младшему достанется. Он ведь парень видный, в деревне не задержится. Скоро придут квоты на фабрики или, глядишь, место для студента из рабочих и крестьян выбьет. Наша семья ведь до девятого колена бедняками была, чище анкеты не сыщешь! А как тебя к позорному столбу привяжут — всё, прощай безупречная родословная. Пиши пропало. Гнилой корень — гнилые побеги.

Чжао Чуньпин помрачнела, став чернее грозовой тучи. В груди у неё klokотала глухая ярость, выместить которую было не на ком. Внук бесил её до зубовного скрежета, и она съязвила:

— Ишь, запел! Коли корень сгниёт, так и ты, побег паршивый, не зацветёшь. Что-то я не вижу, чтоб ты локти кусал!

Хань Дуй лишь небрежно пожал плечами:

— Бабушка, от гнилого корня первыми пострадают сыновья. А я что? Я внук, сорняк придорожный, до меня волна нескоро докатится. Да и терять мне нечего — тёплое местечко я уже потерял, буду землю пахать, делов-то. Разбитому горшку терять нечего, он только крепче становится. Меня теперь ничем не проймёшь.

Старуха лишилась дара речи. Наглость и беспардонность этого обормота казались ей до боли знакомыми, да только она никак не могла припомнить, чью же породу он унаследовал.

— Думай, бабушка, думай, — бросил Хань Дуй, направляясь к выходу. — А я пойду гостей развлеку.

Выйдя в сени, Хань Дуй улучил момент, когда никто не смотрел, и тихонько шепнул директору Ян:

— Товарищ директор, моя бабка понимает только язык силы. Ваши уговоры да мягкость для неё — пустой звук. Тут нужна шоковая терапия. Надавите на самое больное: намекните, что из-за упрямства её любимые сыновья лишатся постов и будущего. Увидите, она мигом перекуётся.

Директор Ян окинула юношу долгим, пронизательным взглядом и едва заметно кивнула:

— Хорошо, товарищ Сяо Хань, попробуем по-твоему.

Вернувшись к старухе, Ян сменила тактику. Она больше не взывала к закону и совести, а заговорила языком суровых последствий для её третьего и младшего сыновей. Метод сработал безотказно. Политическая сознательность Чжао Чуньпин взлетела до небес: куда-то делось былое упрямство, спесь испарилась, уступив место кроткому вниманию.

Всё-таки шкурный интерес — лучший учитель политграмоты.

После недолгой беседы Чжао Чуньпин, скрепя сердце и кривя рот, процедила сквозь зубы, что умывает руки: пускай девка сама решает свою судьбу.

Директор Ян облегчённо выдохнула — гора с плеч.

Цзинь Чжаохун и Ван Мэйюнь тоже перевели дух: с этой старой ведьмой натерпелись они знатно.

С делом было покончено. Тут же обе женщины принялись наперебой зазывать начальницу к себе на обед.

Ян взглянула на наручные часы — стрелки близились к одиннадцати.

— Спасибо за заботу, товарищи, но у меня с собой продовольственные купоны. Никого стеснять не стану, пообедаю у кого-нибудь из местных жителей в порядке распределения.

Ван Мэйюнь затрещала первая, пытаясь перехватить инициативу:

— Да какое там распределение, директор Ян! Идёмте к нам, у нас и стол накрыт, и место прибрано!

— Нет уж, лучше к нам! — перебила её Цзинь Чжаохун.

Пока они препирались, в разговор вклинился Хань Дуй:

— Директор Ян, а пожалуйста к нам на скромный обед. Заодно посмотрите, как живёт простой трудовой народ, приобщитесь к быту масс.

Ян задумалась. Предложение показалось ей дельным. Обычно во время визитов в деревни её распределяли обедать к местным кадрам или руководству бригад, а вот заглянуть в простой крестьянский дом и отведать их нехитрой стряпни доводилось нечасто.

— Что ж, — улыбнулась она, — дело говоришь. Запишите обед на счёт семьи Сяо Ханя.